

СОКРАТ: У ИСТОКОВ МУДРОСТИ

В статье рассматриваются взгляды Сократа на проблему мудрости, раскрывается природа иронии как многослойного феномена, показывается парадоксальность сократовской мысли.

Ключевые слова: природа философии, мудрость, антропологизм, возраст, диалог, аксиологическая шкала, ирония.

N. A. Rybakova

SOCRATES: AT THE SOURCES OF WISDOM

The article examines the Socrates' views on the problem of wisdom. The author reveals the nature of irony as the multi-layered phenomenon and shows the paradoxicality of Socrates' thought.

Key words: nature of philosophy, wisdom, antropologizm, age, dialog, axiological scale, irony.

В греческой мифологии есть старик по имени Окн, что означает «медлительный». Это имя он получил за то, что никак не хотел умирать. В царстве мертвых ему было уготовано наказание: плести соломенный канат, пожираемый с другого конца ослом. Имя Окн стало символом бесконечной работы [1, с. 392]. Такова и природа философии с ее вечными вопросами: о человеке, познании, добре и зле, справедливости и невежестве. Старость можно назвать «окном в абсолют», а старика — философом, бесконечно размышляющим о бытии в его имманентной и трансцендентной ипостаси.

В Древней Греции философом, уразумевшим пограничность философии и старости как философского возраста, стал Сократ. Его философия — рождение мысли «здесь и теперь». Диалог был формой жизни Сократа и способом философствования. Образование Сократ получил не систематическим путем, а в процессе общения с видными людьми его времени, чтения трудов поэтов и философов. Он выступил как антипод софистов. Возмущение Сократа оплачиваемой деятельностью софистов придавало ему особую энергию, но еще больше возмущало его отрицание ими существования объективных ценностей.

О Сократе писали два его ученика — Ксенофонт и Платон. В изображении ими Сократа есть общее, но различий все же больше. Мы не беремся устанавливать, какой образ Сократа более достоверен. Целью нашего внимания к нему являются истоки философии Платона, а «...весь платонизм, — отмечает Лосев, — это только дальнейшее развитие философии Сократа» [2, с. 685], потому мы будем обращаться к Сократу, изображенному Платоном, который общался с ним в течение девяти лет (408–399 гг.), когда Сократу было уже за шестьдесят и он был известен всей Греции не только своим учительством жизни, но и необъяснимым поведением, ставящим многих в тупик.

Что удерживало Платона возле Сократа? Тут имело место несколько факторов. Это — парадоксальная совместимость высокого духа и столь эстетически неудачного тела. Завораживающий блеск рождения мысли, как она приходит в голову, — вдруг. Ее напор и быстрота. Энергия духа и слова. Сократ у Платона превосходит своих собеседников и психологически, и логически. Немаловажной является неотразимость полемических способностей Сократа, критичность его ума: «Та сила духа, с которой Сократ проводил свои идеи и выявлял ложь, прикрываемую благоприличным поведением людей и их якобы благонамеренными суждениями, всегда вызывала у Платона неизменный восторг, так что Сократ навсегда остался для

него живым символом самой философии» [3, с. 686]. Это — и неподражаемая ирония, виртуозность духовных испытаний.

Ранние диалоги Платона в историко-философской науке считаются наиболее сократическими. Какую цель ставил перед собой Платон при их создании? Увековечить образ Сократа? Но это достойно историка. Осудить несправедливость и невежество судий? Так ведь Сократа уже казнили и дело не поправишь. Возможно, Платон хотел показать, что такое философ от бога.

Сократ считал достойным изучения лишь то, на что можно повлиять практически в благоприятном смысле, что можно изменить или создать. Природа в его эпоху была неподвластна человеку, поэтому Сократ сознательно ушел от космологических вопросов и сосредоточил свои силы на человеке и его жизни. Антропологизм — центральный принцип сократовской философии.

Вера и рассуждение — две интенции, которые определили личную и философскую судьбу Сократа. Он не только верил в богов, но и слышал даимон, «божественный голос», который во всех ситуациях налагал на что-либо запреты. Но то, что боги, как он их понимал, повелевали — это требовало размышления. Рассудительность же, по Сократу, «заключается в познании самого себя».

Антропологизм Сократа освещается теологией, которую он рационализирует по-своему. Он постоянно говорит о неких высших силах, которые управляют человеком. Бог для Сократа — это и принцип некой высшей мировой справедливости. Он не называл этого бога никаким именем, что, вероятно, и послужило обвинением в адрес Сократа во введении новых божеств.

В «Апологии Сократа» содержится вся сократовская философия — здесь сходятся начала и концы, причем сама жизнь предстает как исследование: «... ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека...» [4, с. 92]. Началось все с того, что дельфийский оракул передал слова бога о том, что Сократ самый мудрый. Бог не может лгать, но для Сократа было не очень ясно, что подразумевается под мудростью, хотя было очевидно, что мудрость — это высшая ценность. Сократ пытался выяснить, в чем состоит мудрость, отправившись к людям, которые славятся мудростью. Он оценивал «мудрость» каждого, к кому приходил, и построил аксиологическую шкалу, которая идет по убывающей в отношении общественного статуса людей.

Первым, к кому обратился Сократ, был государственный человек. Побеседовав с ним, Сократ пришел к выводу, что он только кажется мудрым, причем, не только другим людям, но «особенно самому себе». Самопознание, к чему призывал Сократ, может быть связано с самообманом, заблуждением относительно себя. После государственного мужа Сократ пошел к поэтам и понял, что они творят «какой-то прирожденной способностью и в иступлении». Они говорят много хорошего, но не знают, о чем говорят. Благодаря своему поэтическому дарованию, они «считают себя мудрейшими из людей, и в остальных отношениях, чего на деле не было». Под конец он пошел к ремесленникам. Те знали много того, чего не знал Сократ, но были подобны поэтам, в том, что хорошо владели искусством, «каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного», так что и здесь Сократ столкнулся с односторонностью некоего умения и личной ограниченностью.

В испытании людей на мудрость Сократ «точно труд какой-то нес», но вывод оказался неутешительным: пользовавшиеся самой большой славой оказались чуть ли не самыми бедными разумом. Выходило, что его собственное осознанное незнание лучше, чем заблуждение других в том, что они мудры, и лучше безотчетного знания, которое невозможно объяснить. И если он знает лишь о своем незнании, а другие не знают и этого, то рассуждение и испытание знания на истинность становится миссией Сократа: «... познав самих себя, мы одновременно познаем заботу, в которой нуждаемся...» [5, с. 256].

В диалоге «Алкивиад I» Сократ спрашивает: «Что же это такое — человек?» [6, с. 258]. И отвечает: «Человек — это душа». Потому забота о душе — наиглавнейшая. Человек, за-

ботающийся о своем теле, заботится лишь о том, что ему принадлежит. Сократ же жил так, как он мыслил. В «Пире» Платона Алкивиад описывает Сократа на военной службе: «... Выносливостью он превосходил ... вообще всех. Когда мы оказывались отрезаны и ... голодали, никто не мог сравниться с ним выдержкой... Точно так же и зимний холод ... он переносил удивительно стойко, и ... когда стояла страшная стужа и другие либо вообще не выходили наружу, либо выходили, напялив на себя невесть сколько одежды и обуви, обмотав ноги войлоком и овчинами, он выходил в такую погоду в обычном своем плаще и босиком шагал по льду легче, чем другие обувшись. И воины косо глядели на него, думая, что он глумится над ними» [7, с. 100].

Искусство жизни Сократа состояло в умении правильно определить природу и иерархию вещей. Небесная душа выше земного тела, в душе господствующим началом является разум, но еще выше разума — божество: «... вглядываясь в божество, мы пользуемся этим прекрасным зеркалом и определяем человеческие качества в соответствии с добродетелью души: именно таким образом мы видим и познаем самих себя» [8, с. 263].

В этой фразе по отношению к себе обнаруживаются две позиции. Во-первых, умение видеть, созерцать, иметь интуицию целого. А. Ф. Лосев называет это предельной общностью, принципом конструирования относящихся к ней частей [9, с. 753]. С теоретической точки зрения, категория блага умозрительно предпосылается всем частным его определениям: здоровью, мужеству, мудрости и т. д. — все причастно к благу, но само благо выше всех определений. К благу все только стремится — оно есть цель. А благоразумие, т. е. направленность сознания на благо, есть путь. Таким образом, Сократ выходит на теологический принцип.

Благоразумие есть путь содержательный, этический. Тем самым, антропология Сократа погружается в этику. С антропологической позиции, Сократ есть философ, а уже потом человек. В «Апологии» Сократ говорит, что он не заботился ни о деньгах, ни о домашнем устройстве, ни о том, чтобы попасть в стратеги, «а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, величайшее благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом..., не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе...» [10, с. 91].

Платон, когда писал диалоги от имени Сократа, видел в нем истинного философа, а себя его продолжателем, то есть для него философ есть Сократ. Платон предпосылает Сократа философии как таковой, и тем самым придает ей не только объективное, но и личностно-символическое измерение.

Во-вторых, позиция по отношению к себе — это умение «определять человеческие качества». Качества же, как добродетели и как пороки, существуют во множестве. Их можно назвать по отдельности, с тем, чтобы знать, какие из них необходимо воспитывать в человеке, а с какими следует бороться. В диалоге «Алкивиад I» Сократ утверждает: «Ведь порочность — это рабское свойство... А добродетель присуща свободе» [11, с. 266]. Категория свободы важна и в образе жизни, и в философии Сократа. Можно выделить три ее аспекта: а) свобода от условностей нормы: его часто видели босиком на базарах и площадях; зимой и летом он ходил в одной и той же одежде, по виду хуже, чем у раба; б) свобода от наслаждений. Большинство людей со времен Сократа и до наших дней движет естественный эгоизм. В диалоге «Горгий» устами Калликла это состояние выражено следующим образом: «...кто хочет прожить жизнь правильно, должен давать полнейшую волю своим желаниям, а не подавлять их, и как бы ни были они не обузданы, должен найти в себе способность им служить (вот на что ему и мужество и разум)!, должен исполнять любое свое желание. Но, конечно, большинству это недоступно. И потому толпа, стыдясь своей немощи и скрывая ее, поносит таких людей и объявляет своеволие позором..., старается поработить лучших по природе; бессильная утолить собственную жажду наслаждений, она восхваляет воздержанность и справедливость — потому, что не знает мужества»; «...роскошь, своеволие, свобода — в них и добродетель, и счастье (разумеется, если обстоятельства благоприятствуют). А все прочее, все ваши красивые слова и противные природе условности, — никчемный вздор» [12, с. 532–533].

Сократ учил такому поведению, которому и сам следовал в своей жизни: не подчиняться никаким наслаждениям, дабы выработать у себя привычку быть свободным человеком, властвовать над своими собственными порывами. Душу необузданного человека он уподоблял бездонной бочке. И «пока она испорчена — неразумна..., несправедлива, нечестива, — нужно удерживать ее от желаний и не разрешать ничего, кроме того, что сделает ее лучше» [13, с. 549]. По Сократу, душа человека в его естественном состоянии больна, а философия служит искусством врачевания. Эта установка Сократа была совершенно непонятной и агрессивно чуждой для обывательского сознания; в) диалог как форма не внешнего усвоения знания, а его самостоятельного и свободного приобретения.

Беседы Сократа отличались от красноречия софистов, которое они называли ораторским искусством. Сила его, по словам Горгия, состоит в способности убеждать. «Владея такою силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого — для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу» [14, с. 484]. Подобное убеждение достигается внушением. Сократ не считал красноречие искусством, а видел в нем своего рода сноровку, навык, или, в современном лексиконе, — технологию. Но, главное, «красноречие, — говорил Сократ, — это признак одной из частей государственного искусства» [15, с. 497]. Возможно, Сократ является провозвестником политических технологий, которые он считал безобразным делом и называл одной из частей угодничества.

Что касается тела, то за врачевным искусством скрывается поварское дело в качестве угодничества, «за гимнастикой таким же точно образом — украшение тела: занятие злобредное, лживое низкое, неблагородное, оно вводит в обман линиями, красками, гладкостью кожи, нарядами и заставляет гнаться за чужой красотой, забывая о собственной, которую дает гимнастика» [16, с. 498]. За искусством законодателя скрывается софистика, за правосудием — красноречие. Если ораторское искусство действует на сознание внушением, отключением критических способностей разума, то диалоги Сократа, напротив, напрягают человеческую мысль, заставляют ее следовать логике.

По Кьеркегору, сократическая майевтика переворачивает отношения между учителем и учеником. «Быть учителем не значит принимать решения посредством резких утверждений или же наставлять учеников, преподавать им уроки и так далее; быть учителем — это, в принципе, быть учеником. Обучение начинается тогда, когда ты, учитель, узнаешь что-либо от ученика, когда ощущаешь удовольствие, от того, что он понял, и от способа, при помощи которого он понял; ученик — это возможность для учителя понять самого себя, учитель — это возможность для ученика понять самого себя» [17, с. 100]. Если софисты и учили своих учеников, то, по замечанию Гегеля, они обучали отыскивать различные основания, с которых можно рассматривать вещи. Поскольку «основание еще не имеет в себе и для себя определенного содержания и можно так же легко находить основания для безнравственных и противоправных действий, как для нравственных и правовых, постольку решение того, какие основания должны быть признаны имеющими значения, оказывается предоставленным субъекту» [18, с. 285]. От индивидуального выбора и индивидуальных намерений будет зависеть, какому основанию он отдаст предпочтение. Гегель, анализируя борьбу Сократа с софистами, констатировал: «Все, что есть в мире испорченного, испорчено на хороших основаниях» [19, с. 286].

К Сократу обращались с вопросами о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о справедливом и законном. Но, выслушав речи Сократа, его собеседники оказывались в недоумении — то, что первоначально казалось чем-то ясным и само собой разумеющимся, становилось смутным и неопределенным. Сократ почти всегда завершал свои диалоги так, что оставлял своим собеседникам пищу для самостоятельной духовной работы. Беспокойство неведения они могли погасить только сами. Знание — это не вещь. Оно приобретается особым способом. Сократ замечает в «Пире»: «Хорошо было бы, Агафон, ... если бы мудрость имела свойство перетекать, как только мы прикоснемся друг к другу, из того, кто полон ею, к тому, кто пуст...» [202, с. 84].

Философия Сократа есть синтез науки и искусства. В аспекте науки он стремится к аргументированности, доказательности, удержанию логики рассуждения. В аспекте искусства он проявляет такое мастерство, что стихия диалогов ведет к озарениям. Философская свобода есть у Сократа обретение смысла поверх всех жизненных целей. Цель — возвышение духа отдельного человека, смысл же — культивирование человечности как открытости к самосовершенствованию, открытости нормы его бытия. Аристотель утверждал, что Сократ «занимался вопросом о нравственных добродетелях и впервые пытался установить в их области общие определения» [21, с. 125]. Он отмечал, что отличие Сократа от Платона состоит в том, что Сократ «не приписывал общему и определениям обособленного от чувственных вещей существования» [22, с. 125].

В диалогах Платона мы обнаруживаем смысловую сторону речи Сократа. Живая экспрессивность, объемность образного мышления философа, которые в нем были развиты не в меньшей степени, чем логика рассуждений, в платоновских диалогах играют вторичную роль. Но Сократ, если его увидеть как носителя своеобразного семиотического поля, выраженного взглядом, мимикой, голосом, его интонацией и т. д., был живой, свободно дышащей философией, не передаваемой никакими изошренными текстами, оказывающей на собеседников какое-то магическое влияние. В диалоге «Менон» один из собеседников свидетельствует: «... ты меня заколдовал и зачаровал и до того заговорил, что в голове у меня полная путаница. А еще, по-моему, если можно пошутить, ты очень похож видом, и всем на плоского морского kota: он ведь всякого, кто к нему приблизится и прикоснется, приводит в оцепенение, а ты сейчас, мне кажется, сделал со мной то же самое — я оцепенел. У меня, в самом деле, и душа оцепенела, и язык отнялся — не знаю как тебе, и отвечать» [23, с. 13]. Надо полагать, что это есть момент внутреннего преобразования личности, которая должна не только понять некие смыслы, но и пережить их, прочувствовать, что такое добро, справедливость, счастье и т. д. Сократ создал точку зрения внутренней рефлексии, «...внутреннее размышление о том, что истинно, о том, что понятие Бога, добра, красоты, истины значимы не непосредственно сами по себе, но, для того, чтобы быть признаны, должны проникнуть во внутреннюю сущность человека...» [24, с. 415].

К магии воздействия на собеседников Сократ добавлял еще и свою знаменитую иронию [25, с. 92–93]. «Ирония — отличительная черта диалектического метода Сократа, его способа ведения диалога и поиска общих определений. Об этом свидетельствуют диалоги Платона, среди которых нет почти ни одного, где бы Сократ, ведя беседу, не иронизировал» [26, с. 93]. Для Платона сократовская ирония — это художественный прием, украшающий и оживляющий сухую диалектику. Для самого же Сократа — это и боль, и дерзновение, и «юрродство». У Сократа диалектика, в согласии с общим характером его философствования, «имеет еще преимущественно субъективную форму, а именно форму иронии» [27, с. 207]. Кьеркегор называл Сократа «старым ироником» и «учителем всех ироников» [28, с. 316, 319].

Сократовская ирония — многослойный феномен. Сам Сократ никогда не называл иронией ни своего философского метода, ни своей манеры общения с людьми [29, с. 74]. Поэтому философско-эстетическая категория «ирония» приобрела в истории философии расширенную трактовку, смысл которой зависел от субъективного понимания этого феномена теми, кто, ставя собственные цели исследования, обращался к личности Сократа. Мы тоже придерживаемся расширенной трактовки иронии. В ней можно выделить несколько составляющих.

Во-первых, это ирония уступок. Возможно, это основная и начальная форма иронии Сократа. В «Апологии» Сократ, по его собственному признанию, тем, кто считал себя мудрыми, но в действительности таковыми не являлись, так прямо об этом и сказал. При этом он понял, что нажил себе многочисленных врагов. Вероятно, этот факт побудил его изменить тактику своего поведения, дабы не отпугнуть прочих своих собеседников, каждый из которых, безусловно, будет считать себя знающим. Ирония, в ее античном понимании представляет собой психологическую установку, согласно которой человек стремится представить себя ниже того, что он есть в действительности. Он как бы обесценивает себя. Цицерон говорил так:

«Сократ же, принижая самого себя в споре, возвеличивал того, кого хотел опровергнуть. Таким образом, говоря не то, что думал, он охотно прибегал к той форме притворства, которую греки называли иронией» [30, с. 97].

Во-вторых, это ирония маски. Сократ из «Пира» Платона похож на Силену. В народном представлении Силены и сатиры — это демоны-гибриды, наполовину животные, наполовину люди, составляющие свиту Диониса. Но это лишь внешнее прикрытие истинной сущности. В конце «Пира» Алкивиад сравнивает Платона с такими Силенами, которые в масках ваятелей служат шкатулками для хранения фигурок богов. Так что внешний уродливый и клоунский вид Сократа — это только маска. Для стороннего наблюдателя Сократ парадоксально закрыт. Как отмечает Ницше: «Все в нем скрыто, искривлено, подпольно» [31, с. 91]. И «... если послушать Сократа, то на первых порах речи его кажутся смешными: они облечены в такие слова и выражения, что напоминают речи этого наглеца сатира» [32, с. 132]. Маску самого Сократа можно считать первичной. Но, как отмечает Пьер Адо, Сократ стал маской для личностей, которые имели потребность укрыться за ним. То есть Сократ стал вторичной маской. «Он дал им одновременно идею замаскироваться и идею взять Сократову иронию в качестве маски. Здесь мы наблюдаем крайне сложный феномен по своим литературным, педагогическим и психологическим импликациям» [33, с. 92]. Под маской Сократа скрывается Платон, который преподносит сократические диалоги в отшлифованной и достроенной «доверху», до объективного идеализма, форме. Читатель платоновских диалогов тоже оказывается в положении собеседника Сократа, испытывая на себе эту иронию маски, поскольку он не знает, к чему его подведут вопросы Сократа. К сократической иронии прибегал С. Кьеркегор, утверждая, что путь Сократа — это его путь. Сократ — его единственная аналогия, и его задача есть сократическая задача [34, с. 95]. Ф. Ницше утверждал, что «всякий глубокий ум нуждается в маске, — более того, вокруг всякого глубокого ума постепенно вырастает маска, благодаря всегда фальшивому именно плоскому толкованию каждого его слова, каждого шага, каждого подаваемого им признака жизни» [35, с. 95].

В-третьих, это ирония контрастов. Сократ явил собой «тип неслыханной до него формы бытия, тип теоретического человека» [36, с. 113], который был одновременно и страшен, и смешон. Вместе с тем «он был посредником между трансцендентным идеалом мудрости и конкретной человеческой реальностью» [37, с. 89]. Обладая высоким взглядом, он и в старости был полон жизни. Ницше, а вслед за ним А. Ф. Лосев и А. Камю, видят в нем фигуру декаданса — такова была его внешность, его эпоха. Это не выбирают. Выбирают то, что можно или нужно познавать, от чего получать удовлетворение, как поступить или от чего отказаться. Вот это Сократ и выбирал. Он любил жизнь и получал удовлетворение от возможности ее осмыслить. Даже если он понял, что в этой жизни человек находится в болезненном состоянии, это не означает отказа от жизни, наоборот, показывает необходимость совершенствования. Для этого он и открыл путь интериоризации, не только психологический, где совершается непосредственное переживание морального чувства, но логический и диалектический, освобождающий от чувственности и погружающей в смысл самобытия. Постигая собственную суть, человек и в отношении себя приобретает элемент иронии. Ирония Сократа направлена не только во вне, на собеседников, но и на самого себя. Но это почему-то осталось незамеченным в истории европейской философии.

В-четвертых, это ирония старости. Действительного состояния своей старости как особого события жизни заранее никто не может знать. В диалоге «Горгий» устами Калликла выражено общественное мнение о ценности философии. «Знакомство с философией прекрасно в той мере, с какой с ней знакомятся ради образования, и нет ничего постыдного, если философией занимается юноша» [38, с. 524]. Но если на ней задержаться дольше, чем следует, «она погибель для человека». У Сократа это и произошло в буквальном смысле. Однако Калликл имел в виду более слабую версию «погибели»: посвящая философии более зрелые годы, как это делает Сократ, человек уже в годах, он становится смешным, как бы впадая в детство, и неизбежно останется без того опыта, который нужен, чтобы стать человеком дос-

тойным и уважаемым. Калликл мысленно ставит Сократа «в предлагаемую ситуацию». Он представляет Сократу, что его обвинили и посадили в тюрьму. Сократ предстал перед судом и умер бы, если бы ему был предъявлен смертный приговор. Какая же в том мудрость, спрашивает Калликл, если Сократ не сможет помочь даже самому себе?

В этом диалоге Платон мысленно проигрывает реальную ситуацию. Что он этим хочет сказать? То, что Сократа предупреждали о реальной опасности? А может быть то, что посвящая себя философии, человек должен быть готов к существованию на грани жизни и смерти? Что общество враждебно к свободному духу философии? Или, что занимаясь философией, ты всегда должен знать, что скажешь в последний день твоей жизни? Очевидно, здесь ставится проблема духовно-практического измерения философии. Из слов Сократа следует, что истинный философ всегда рискует. Философия требует личного мужества. Спокойно может жить лишь тот, кто не ищет в ней «особой глубины и обстоятельности», обладает осторожностью и предусмотрительностью, «как бы незаметно себе не повредить чрезмерной мудростью».

Сократ и в силу своего возраста, и в силу своей мировоззренческой позиции утверждает, что лучше терпеть несправедливость, чем ее совершать, в подтверждение чего он приводит теологический аргумент. При жизни человека тело — это только одежда души, которая сбрасывается после смерти, и его судьба решается в зависимости от чистоты души. Сократ выделяет два крайних состояния души: самое худшее — у бывших тиранов, царей, властителей и правителей городов, поскольку трудно «прожить всю жизнь справедливо, обладая полной свободой творить несправедливость», и самое лучшее — у философов, которые всю жизнь занимались собственными делами, «не мешаясь попусту в чужие». Сократ четко разделяет формальную и реальную сторону дела. Формально он не занимает никаких государственных постов, и не стремится их занять, тогда как реально дело обстоит иначе. Сократ говорит: «Мне думается, что я в числе немногих афинян (чтобы не сказать — единственный) подлинно занимаюсь искусством государственного управления и единственный среди нынешних граждан применяю это искусство к жизни» [6, с. 568]. Таким образом, ирония старости Сократа выразилась в том, что он сам сознательно поставил себя ниже того положения в обществе, которое у его современников считалось достойным, и занимался тем, что неформально влиял на сознание людей, что и вызывало опасение политиков.

В 339 году на Сократа был подан донос, в котором он обвинялся в том, что не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов, а также в развращении молодежи. В качестве наказания обвиняемые требовали для него смертной казни. Сократ должен был явиться на суд и выступить в собственную защиту. В своей речи Сократ делал акцент на своем возрасте, выделяя, во-первых, его этическую ответственность. Приличие возраста требует, чтобы он говорил правду, а не выступал с «придуманной речью». Приличие возраста, далее, требует не устраивать слезопредставления, чтобы разжалобить афинян. Во-вторых, Сократ говорит о естественном ходе жизни. Нелепо в его годы роптать на то, что приходится умирать. Но самих афинян будет ждать дурная слава за то, что не хотели подождать, пока Сократ уйдет из жизни, как старый человек, естественным путем. Он говорит о том, что подобное положение дел не стало для него неожиданностью.

Сократ понимает, что он занимается особым делом, которое способствовало его известности и навлекло клевету. Это особенное дело — стремление к мудрости, поскольку истинно мудрым оказывается только бог. Сам же Сократ только служит богу, обнаруживая, как далека человеческая мудрость от божественной. При этом он узнает, что для могущественных и честолюбивых правда ненавистна. Никакой суд, даже при условии безнаказанности Сократа, не остановил бы его занятие философией, он занимался бы ею, пока оставался жив. До естественной старости путь далекий, а порочность захватывает человека очень быстро. И если первая приходит согласно закону природы, то вторая — согласно человеческому несовершенству и нежеланию стремиться к благу.

Закон, как бы несправедливо он ни применялся в отношении отдельного человека, есть условие порядка и потому от него нельзя уклоняться. Однако законы государства — это лишь

частный случай сущности закона как такового. В действительности всю вселенную объединяет единый порядок, нарушение которого, или несправедливость, влечет за собой кару. И пророческий дар Сократа открывает «окно в абсолют». Сократ говорит о своей смерти, как о свершившемся событии, обращаясь к своим обвинителям: «... о мужи, меня убившие...» [39, с. 94], и предрекает, что за его смертью придет на них мщение, которое будет тяжелее той смерти, на которую его осудили. У них больше будет обличителей, которых они до сих пор не замечали, поскольку их сдерживал Сократ, «... и они будут тем невыносимее, чем они моложе...». [40, с. 94]. Подчеркивая молодость новых обличителей, Сократ связывает ее с неразумностью, несамостоятельностью, безответственностью, с крайней степенью не совершенства и необузданности души. Душевное здоровье требует осознания его отсутствия, времени и желания стать лучше, что невозможно без самопознания.

До конца своей жизни Сократ утверждал: он знает, что ничего не знает. И в подтверждении того, что всякий находится в таком же неведении, он рассуждает о смерти, то есть о том, чего в действительности никто знать не может. Не зная чего-либо, человек не может это оценить, однако, общепринятое мнение говорит, что смерть — это зло. Чтобы опровергнуть это мнение, Сократ рассуждает гипотетически: если смерть ведет к полному уничтожению, то никакого зла человек не может чувствовать, если же душа человека вечна, то она будет стремиться к тому, чем жила до своего отделения от тела. Душа Сократа озабочена философией, а значит, она и после его смерти будет беседовать с теми мудрецами, что раньше него отошли в мир иной, а это, безусловно — благо. Смертный приговор, являясь этически несправедливым, онтологически не может быть рассмотрен как зло. Самопознание Сократа становится не только гносеологическим феноменом, но еще более — онтологическим. Для Сократа — это путь, облакающий во благо, облагораживание. Он ведет философа к бессмертию и счастью, о чем и напишет Платон в своих диалогах, открывая окно-абсолют в философии старости.

Литература

1. Словарь античности. М.: Прогресс, 1994.
2. Лосев А. Ф. Ранние диалоги // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 684–835.
3. Лосев А. Ф. Ранние диалоги.
4. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70–96.
5. Платон. Алкивиад I // Платон. Собрание соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 220–267.
6. Платон. Алкивиад I.
7. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. 2-е изд., испр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
8. Платон. Алкивиад I.
9. Лосев А. Ф. Ранние диалоги.
10. Платон. Апология Сократа.
11. Платон. Алкивиад I.
12. Платон. Горгий // Платон. Собрание соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 477–574.
13. Платон. Горгий.
14. Платон. Горгий.
15. Платон. Горгий.
16. Платон. Горгий.
17. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. Челябинск: Социум, 2010.
18. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.
19. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики.
20. Платон. Пир // Платон. Собрание соч. в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.
21. Асмус В. Ф. Античная философия / Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. М.: Высшая школа, 1976.
22. Асмус В. Ф. Античная философия.
23. Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр. Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 3–63.
24. Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990.
25. Кессиди Ф. Х. Сократ. М.: Мысль, 1988.
26. Кессиди Ф. Х. Сократ.

27. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики.
28. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
29. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 1994.
30. Адо П. Духовные упражнения и античная философия.
31. Адо П. Духовные упражнения и античная философия.
32. Платон. Пир.
33. Адо П. Духовные упражнения и античная философия.
34. Адо П. Духовные упражнения и античная философия.
35. Адо П. Духовные упражнения и античная философия.
36. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
37. Адо П. Духовные упражнения и античная философия.
38. Платон. Горгий.
39. Платон. Апология Сократа.
40. Платон. Апология Сократа.